

VI $\frac{1}{85}$

1907

KU. 51-55. 58-60

VI $\frac{1}{85}$ IV $\frac{16}{57}$

VI 85

ЗѢРНЫШКИ БОЖІЕЙ МІЛЫ

ТРОИЦКОЕ ЧТЕНІЕ ДЛѦ ДѢТЕЙ. КН. 51.

ЗЕРНЫШКИ „ВОЖІЕЙ НИВЫ“

ТРОИЦКОЕ ЧТЕНІЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Книжка 51-я.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Скучно дѣду...
2. Преподобному Серафиму. *Стихотвореніе. Съ рис.*
3. Три братца.
4. Пагубная игра.
5. Школа. *Стихотвореніе.*

Благословеніе Обители Преп. Сергія.

Свято-Троицкая Сергіева Лавра.
СОВСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

Печатать дозволяется. Виенія. Февраля 6 дня, 1907 года
Цензоръ, Ректоръ Виенской Духовной Семинаріи,

Протоіерей А. Вѣлевъ.

Скучно дѣду...

Все кашляетъ, да кряхтитъ старый дѣдъ...
И не диво. Ужъ за восемьдесятъ годовъ перевалило ему.

— И самому-то нерадостно, и людямъ тягостно—со вздохомъ скажетъ иной разъ дѣдъ Спиридонъ.

— Чай пора, старина, и къ мѣсту—подшутить надъ старичкомъ какой либо односельчанинъ изъ молодыхъ.

Спиридонъ и не думаетъ обижаться на это, а еще прибавить: пора, пора—и самъ вижу, что пора; а вотъ, видно, надо на бѣломъ свѣтѣ помяться—еще здѣсь-то не все знать, видѣлъ, да и тамъ-то пока не надобенъ.

Сыну Пахома—Андрею, единственному ра-

ботнику на свою семью, тоже, повидимому, казалось иногда, что старинѣ пора-бы и мѣсто на печи очистить. Не говорить онѣ почти съ нимѣ ничего...

Старина замѣчаетъ это и всѣ больше прячется на печи, чтобы не мозолить глаза работнику-сыну...

Одна только утѣха у дѣда — бѣлоголовый Костюнька — бѣльшеничій изъ мальчугановъ-внучатъ. Есть у него и взрослые внучки, да тѣмъ не до дѣда. Эти то пряжу на фабрикѣ разматываютъ, то по хозяйству помогаютъ мамкѣ своей. А вотъ Костя — этотъ все болѣе съ дѣдомъ. Ему еще только семь годовъ миновало. И въ школу пока онѣ не ходитъ, и дома то не помощникъ. Ну онѣ и не отстаютъ отъ дѣда. Дѣдъ и радъ этому. Выйдетъ съ внученкомъ онѣ на заваленку, да и начнетъ рассказывать ему про былое... — Былъ когда-то и я такой махонькій, какъ ты, а тамъ выросъ — домомъ зажилъ... Твоего отца вырастилъ, а вотъ и внучатъ дождался... Вонъ и ты ужъ большой становишься, а я все живу, да живу. А и жить то не сладко: и спину-то всю разломило, и грудь-то кашель

разбилъ... Всѣмъ то я въ тягость... Э-эхъ, внучекъ, тяжело старикамъ-то жить...

Костя участливо смотритъ на дѣда — жаль ему старика. Видитъ онъ, какъ и тятка-то его иногда разворчится на дѣда. И мамка-то искоса поглядываетъ на него...

А дѣдъ прижмется гдѣ либо въ уголкѣ избенки, да и словно нѣтъ его. Вотъ кашель только больно донимаетъ его и выдаетъ старика...

Слушаетъ Андрей, какъ кашляетъ, надрывается старикъ-отецъ, да невытерпитъ, иной разъ, и скажетъ: да чего ты раскашлялся?...

Дѣдъ уткнется въ зипунъ и затаитъ на время дыханіе; а съ кашлемъ-то ничего не подѣлаешь: надрываетъ онъ старикову грудь...

А однажды, по веснѣ, у дѣда поднялся такой кашель, что цѣлыми днями, и особенно ночами, сталъ бить его. Всю-то, бѣдному, грудь разломило, да и домашнимъ то понасучило.

Слушалъ, слушалъ Андрей, какъ старикъ отецъ кашляетъ, да и рѣшилъ отдѣлить его. „И жаль старика, думалъ Андрей, да дѣлать нечего: ночью сонъ отбиваетъ весь“...

Была у Андрея кромѣ передней избы еще другая—задняя, что выходитъ на дворъ. Эта задняя изба давно уже служила вмѣсто кладовой: чего только не было здѣсь наложено. И оконца то въ ней были точно въ кладовой—такія то маленькія: чуть свѣтъ проникаетъ въ нихъ. Была въ этой избенкѣ и небольшая печурка изъ глины. По нуждѣ и протопить ее можно.

Вотъ въ эту то избу и подумали перевести хвораго дѣда.

Спиридонъ не прекословилъ сыну съ снохой. Къ тому-же и весна на дворѣ—теплѣй стало. И въ задней, нетопившейся всю зиму, избѣ даже жить стало можно.

Неможется дѣду. „Ну, да ничего—соображаетъ онъ. И тамъ ночевать стану“... „Васъ то тревожить не буду, покой дамъ вамъ... Знамо, вы трудитесь и покой вамъ нуженъ. А мое дѣло таковское“—согласился дѣдъ съ сыномъ.

Но Костюнька понялъ, что не съ охотой собирався покинуть дѣдъ избу на ночь. Онъ видѣлъ, какъ у дѣда упали двѣ-три крупныхъ слезинки. И онъ понялъ, что значать эти дѣдовы слезы. Выбѣжалъ онъ въ заднюю

избу, въ которой первый разъ собирався заночевать дѣдъ и быстро окинулъ ее дѣтскимъ любопытствующимъ глазомъ. „Въ избѣ-то просторно—только холодно. Да и жутко одному-то“—подумалъ Костя, и снова вернулся въ теплую избу.

Дѣдъ тихо, по обычаю, сидѣлъ въ уголкѣ, словно спрятавшись отъ кого-то. Внуку заглянулъ въ лицо дѣду: слезы еще не высохли на глазахъ старика и онъ сидѣлъ такой грустный, грустный...

Жаль, больно стало жаль внуку дѣда... „Онъ грустный, гру-устный такой... Скучно ему будетъ одному—одиошенькому-то въ избѣ“—не переставалъ думать Костя.

Но вотъ и свечерѣло. Законченъ скудный ужинъ. Дѣдъ, еле передвигая ноги, побрелъ въ заднюю избу и здѣсь улегся на широкой лавкѣ, на сѣромъ армякѣ. „Холодно-то, холодно, ну, да ничего—думалъ дѣдъ Спиридонъ... Лишь бы имъ, сыну-то съ дѣтками, жилось хорошо“...

Костя не утерпѣлъ: онъ заглянулъ на новоселье дѣда и еле увидалъ его въ глубокой темнотѣ.

— Это ты, знать, милый внучекъ, прошамкаль дѣдъ...

— Я... я—отвѣтилъ внукъ и, подойдя къ дѣду, поцѣловаль его... А дѣдъ прижалъ къ усталой старческой груди своего любимаго внука и тихо всхлипнулъ...

Горячая слеза упала на щечку Кости и онъ, не отирая дѣдовской слезы, поспѣшно вышелъ изъ задней избы...

Черезъ часъ въ избѣ Андрея стихла суета. Всякъ поулегся на своихъ мѣстахъ. Не слышно уже кашля дѣда... Вонъ тамъ, за перегородкой, всхрапнулъ ужь Костинъ тятка. Раздался храпъ и изъ другихъ угловъ...

Не спится только Костѣ. Не можетъ забыть онъ дѣда, который тамъ одинъ лежитъ въ избѣ.

— А можетъ быть онъ плачетъ тамъ — подумаль Костя. И снова захотѣлъ онъ быть съ нимъ, съ своимъ добрымъ, ласковымъ дѣдомъ, заглянуть ему въ глаза, поцѣловать его и лечь у изголовья, чтобы не скучаль онъ одинъ...

И Костя ужь рѣшаетъ, что потихоньку онъ проберется къ дѣду, скажетъ ему: „и я съ тобой, родненькій дѣдушка,“ — скажетъ... и

ляжетъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что всѣ уже уснули крѣпкимъ сномъ.

И вотъ онъ тихо поднялся, взялъ свою убогую постилку и зипунъ... А вотъ и дверь... Почти безъ шума онъ отворилъ ее и чрезъ минуту былъ у дѣда.

Заснувшій, было, дѣдъ и не замѣтилъ, какъ вошелъ внученокъ. И только, когда послѣдній подошелъ къ нему, дѣдъ взглянулъ и, догадавшись, что около него его любимый внукъ, опросилъ его:

— Да неужели это ты опять, мой внучекъ?

— Я дѣдушка.

— Да какъ ты попалъ сюда? Вѣдь спать надобно, касатикъ?...

— Я, дѣдушка, съ тобой усну... Вотъ здѣсь...

И Костя бросилъ свою постилку на полъ

— А тятки-то не боишься вѣдь осерчаетъ онъ...

— Нѣтъ, дѣдушка. На утро ты меня разбудишь, и я опять къ себѣ уйду. И съ этими словами еще разъ поцѣловалъ онъ дѣда.

— Ну, быть такъ... Знать Самъ Богъ тебя послалъ на утѣшенъе старику...

И Костя, радостный, довольный, улегся воз-

лѣ дѣда. А сонъ, сонъ тихій, мирный, счастливый дѣтскій сонъ, быстро усыпилъ мальчугана Костю...

Но скоро прошла и недолгая апрѣльская ночька... Розовая, утренняя зорька словно разбудила апрѣльскую ноченьку и прогнала ее далеко, далеко—до слѣдующей ноченьки...

— Пора-бы и внука разбудить, чтобъ шель къ себѣ—подумалъ дѣдъ, да жаль тревожить малыша... А онъ самъ сладко, крѣпко спитъ...

Но вотъ Спиридонъ услышалъ стукъ. „Проснулся, знать, Андрей... пора, пора, а то вѣдь осерчаетъ“—соображалъ Спиридонъ...

И не успѣлъ еще дѣдъ разбудить внученка, какъ въ избу къ нимъ вошелъ Андрей.

— Какъ, Костюнька здѣсь?—недоумѣвающе спросилъ Андрей и не знавшій того, что сынишка убѣжалъ къ дѣду.

— Пришолъ, пришо-оль, откашливаясь, промолвилъ дѣдъ...

Услыхавъ разговоръ, Костя проснулся...

Ты какъ сюда попалъ?—обратился къ нему отецъ...

— Я... я... Скучно дѣдушкѣ... я и пришелъ...

Отецъ былъ пораженъ наивными дѣтскими словами... Такъ просты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сердечны были они... Онъ не нашелся, что сказать въ отвѣтъ своему доброму сынишкѣ... Лицо его, казалось, озарила какая-то радостная мысль... И онъ, какъ будто смущенный, ласково взглянулъ на сына и на старика отца... Узнала и мамка Кости о томъ, какъ мальчуганъ ушелъ къ дѣду, какъ онъ заснулъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы не скучалъ старикъ...

Отецъ и мать и не думали бранить сынишку за его привязанность къ дѣду, ночевавшему въ мало-истопленной избѣ... Напротивъ, его поступокъ, его привязанность и любовь къ безпомощному старику словно открыли имъ глаза... Имъ и самимъ стало жаль больного, стараго, безпомощнаго дѣда, котораго они такъ безжалостно выселили на ночь въ холодную избу...

На слѣдующую ночь они не пустили уже его въ холодную избу. Онъ ночевалъ со всѣми вмѣстѣ. Вблизи него попрежнему спалъ его любимый внукъ, который, засыпая, привѣтливо взглянулъ на дѣда и улыбнулся ему своей чистой дѣтской улыбкой.

И дѣдъ понялъ, ясно понялъ, почему теперь сталъ онъ по прежнему ночевать въ теплой избѣ... Онъ понялъ, потому что среди глубокой полуночной тишины уста дѣда часто шептали слова молитвы и въ этой молитвѣ старый Спиридонъ просилъ Создателя умудрить и укрѣпить въ добръ вну ченка Костю.

Д. В-йй.

Преподобный Антоний

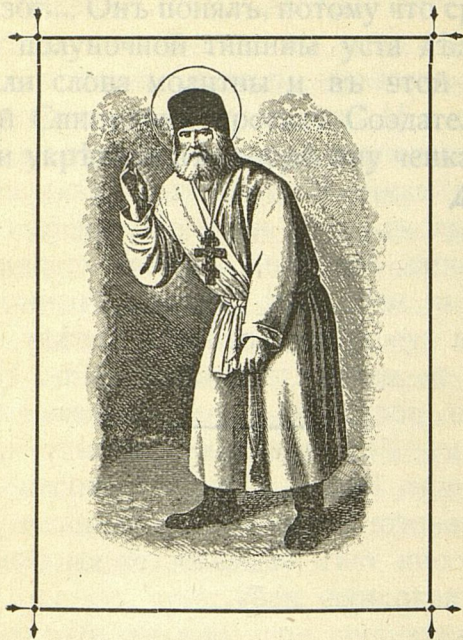
то сей...
Хоть...
Кто на...
Жить не...

Ужъ съ...
Сталъ онъ дѣломъ всеблаготворителемъ,
Чудотворителемъ, прозорителемъ,
Смьль по всей Руси сегой.

Осѣненныи благодатью,
Къ совершенству восходить,
Чистымъ окомъ, съ вѣрой ратью,
Зрѣлъ однажды Бога Емь.

И дѣла покаянъ, ясно покаянъ, почему те-
перь сталъ онъ по прежнему почевать въ тем-
ной пещи. Онъ покаянъ, потому что среди глу-
бокой пещи, онъ часто молился, и въ этой молитвѣ
старый Пийдъ, и Создателя умуд-
рилъ и украсилъ, и чужа Костю.

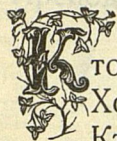
Д. В. И.

Преподобному Серафиму.

то сей чудный, вѣчно юный,
Хоть согбенный старичекъ?
Кто на сей землѣ подлунной
Жить по смерти снова могъ?

Ужъ съ младенчества любимцемъ
Сталъ онъ Дѣвы всеблагой,
Чудотворцемъ прозорливцемъ
Слылъ по всей Руси святой.

Осѣненный благодатью,
Къ совершенству восходилъ;
Чистымъ окомъ, съ цѣлой ратью,
Зрѣлъ однажды Бога Силь.

Многократно съ Пресвятою
По душѣ онъ говорилъ;
Поднимался надъ землею,
Какъ молитву самъ творилъ.

Къ ближнимъ всѣмъ, несчастнымъ, бѣд-
нымъ

Онъ любовію горѣлъ;
На груди своей крестъ мѣдный
Лобызать онъ всѣмъ велѣлъ.

Всѣ недуги человѣчи
Онъ чудесно исцѣлялъ
И злодѣямъ за увѣчья
По незлобію прощалъ.

Никогда не утомляясь,
Сколько людей принималъ!
И смиренно преклоняясь,
Самъ строптивыхъ преклонялъ...

Былъ—всѣмъ радость и отрада,
Всѣмъ онъ счастье сулилъ
И молитвою изъ ада
Души грѣшныхъ выводилъ.

На землѣ ужъ небожитель
Серафимомъ пламенѣлъ;

Въ небесахъ свою обитель
На явѹ заранье зрѣлъ.

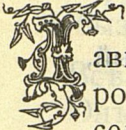
На колѣняхъ смерть онѹ встрѣтилъ,
Богу въ руцѣ духъ отдалъ,
И „на гробикъ“ свой почаше
Приходить всѣмъ завѣщаль.

И идетъ людѣ православный,
Крѣпкой вѣрою движимъ...
Всѣхъ встрѣчаетъ старецъ славный,
Преподобный Серафимъ!

С. Котлинская.

Три братца.

авно уже у насъ на Руси живутъ три родные братца. Они есть въ каждомъ селѣ, въ каждомъ даже семействѣ. Одному брату имя „Авось“, другому „Небось“, и третьему „Какъ-Нибудь“. Крѣпко любятъ ихъ нашъ народъ, и они его любятъ, живутъ съ ними дружно, но за эту дружбу неблагодарные братья платятъ людямъ великими горями, бѣдами и несчастіями.

Разваливается ли у кого въ домѣ отъ ветхости печка или труба, разумъ говоритъ хозяину: поправь, не то худо будетъ. А первый братецъ тутъ-какъ тутъ: „Авось ничего, авось все будетъ хорошо“, внушаетъ онъ хозяину, и тотъ, не слушая совѣта своего разума, слѣдуетъ совѣту перваго брата. Глядь—

печь или труба окончательно развалились, вылетѣлъ оттуда „красный пѣтушекъ“ и полсела какъ небывало: остались отъ домовъ обгорѣлыя сошки да вешки.

Худъ въ селѣ мостъ. Надо бы его давнымъ-давно поправить, о чемъ-уже общество и думало и исправило бы, да второй братецъ подоспѣлъ, какъ Мартынъ съ кулагой: „Небось,—говорить онъ людямъ,—ничего не будетъ, мостъ еще потерпитъ“.

Подошла возка сноповъ ржи съ поля. Ъхалъ по мосту мужичекъ съ возомъ. Мостъ не выдержалъ тяжести, провалился со всѣмъ возомъ, и получилась великая бѣда: телѣга исковеркалась, лошадь искалѣчилась, а несчастнаго мужичка на смерть задавило. А „Небось“ радуется, что по его вышло.

Около села Бутовки есть большая рѣчка. Наступила поздняя осень, и рѣчка покрылась льдомъ. Но ледъ этотъ еще не твердъ, поэтому крестьяне для переправы черезъ рѣчку отправляются на мостъ, сдѣланный въ полуверстѣ отъ села. Ивану и Петру нужно было переѣхать черезъ рѣчку.

„Давай, кумъ, не поѣдемъ на мостъ то,

а то далеко объѣзжать, но переправимся прямо по льду, и дѣлу конецъ“, говоритъ Иванъ Петру.

„Да, вѣдь, ледъ-то еще тонокъ, не сдержитъ насъ, дорогой куманекъ“, опасается Петръ.

Третій братъ тутъ-какъ-тутъ.

„Ну, вотъ, какія страсти! Какъ Нибудь проѣдемъ“, говоритъ онъ устами Ивана. Мужики послушали лукавой рѣчи и поѣхали. Но едва они достигли середины рѣки, какъ ледъ хрустнулъ, далъ во всѣ стороны трещины, осѣлъ, провалился и... лошади вмѣстѣ съ телѣгами и хозяевами пошли ко дну на трехсаженной глубинѣ. Народъ замѣтилъ бѣду, быстро сбѣжался къ роковому мѣсту, вытащили утонувшихъ, но и люди, и животныя были уже мертвы...

Эти три разсказа давно я слышалъ, и всѣ, кто мнѣ ихъ ни передавалъ, говорятъ, что это—быль. Я же съ своей стороны добавлю къ нимъ четвертый разсказецъ. Ужъ это—подлинная быль, имѣвшая мѣсто въ селѣ Парахинѣ нашего уѣзда еще очень, очень недавно. Село это населено мордвой, но

и къ этому народу присосѣдились вышеназванные три брата. Парахино расположено на ровной песчаной мѣстности. Около него нѣтъ никакой рѣчки, ни родничка. Чтобъ достать воду мордва копають глубокіе колодцы, которыхъ въ этомъ селѣ великое множество, но уходъ за этими колодцами поселянами мало принимается во вниманіе: срубы у многихъ колодцевъ ветхіе, надъ землею возвышаются мало, срубины спадываютъ, запоры и рѣшетки тоже встрѣчаются рѣдко. Видно, что люди крѣпко дружатъ съ братьями— „Авось“, „Небось“ и „Какъ-Нибудь“. Эта-то дружба и была недавно причиной страшной бѣды. Она произошла такъ. У одного двора колодезный срубъ пришелъ въ совершенную ветхость, срубины отвалились и были уже частію растасканы, такъ что колодецъ представлялъ изъ себя ничѣмъ незащищенную опасную пропасть семиаршинной глубины, и никому, видно, въ голову не приходило, что нужно поскорѣе исправить его, т. е., нарубить срубъ выше и сдѣлать сверху предохранительную рѣшетку, а иначе случится бѣда. Оно такъ и вышло. Вечеромъ около этого колодца

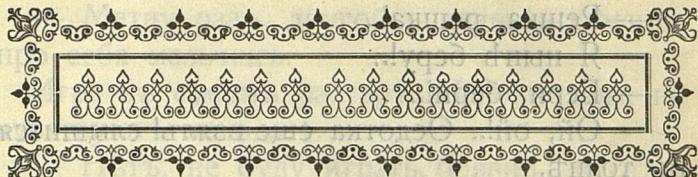
проходила тринадцатилѣтняя дѣвочка съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Ужъ забылась-ли она, не замѣтила-ли зіяющей у ногъ пропасти или просто зазѣвалась на что либо — неизвѣстно, а только оступилась, бѣдная, въ колодець, ринулась туда вмѣстѣ съ малюткой, расшиблись, конечно, на смерть и утонули...

Вытащили два трупа и ну между собою препираться, спорить да розыскивать виноватаго. А кто собственно виновать? Всѣ. Все село виновато. Зачѣмъ оно вело дружбу съ братьями „Авось“, „Небось“ и „Какъ-Нибудь“, когда, можетъ быть, не въ первый ужъ разъ испытываетъ, во что обходится эта дружба?..

Выростете, дѣти, никогда не полагайтесь на этихъ трехъ братцевъ.

Е. Куликовъ.

Пагубная игра.

„Безъ труда не вытащить рыбки
изъ пруда“

(Рус. пословица).

вятки... На небѣ солнечное сіяніе. Снѣгъ своей бѣлизной рѣжетъ глаза. Слышится скрипъ отъ человѣческихъ шаговъ. Это ребятишки цѣлой толпой, пожимаясь отъ холода, пробираются къ мелочной лавочкѣ. Здѣсь цѣлый день толпится народъ, особенно молодежь. На этотъ разъ взрослые парни стоятъ небольшими кучками. Подростки играютъ въ орлянку. Ребятишки приблизились къ самой большой кучкѣ.

— Орель, орель!..

— Решка, решка!..

— Я нынѣ беру!..

— Бери, бери!..

— Ой, ой!.. Оедотка еще взялъ! слышится въ толпѣ.

Коренастый парень раскраснѣвшей отъ мороза рукой, съ нескрываемою радостью, всыпалъ въ карманъ горсть выигранныхъ мѣдяковъ.

Ребятишки наострили уши. Ужъ слишкомъ имъ было забавно смотрѣть, какъ Оедотка почти постоянно цѣлыми горстями прячетъ въ карманъ пятаки.

Быль среди любопытныхъ зрителей двѣнадцатилѣтній мальчикъ Саня. Онъ только въ первый разъ попалъ на орлянку: онъ еще никогда не видалъ денежной игры. Смотрить Саня и дивится, какъ это такъ скоро и легко можно деньги наживать?! Ему отецъ на праздникъ тоже далъ пятакъ, но онъ у него вотъ уже три дня лежитъ въ карманѣ безъ всякой прибыли. Опустивъ руку въ карманъ, Саня снова ощупалъ свой пятакъ. И вдругъ у него явилось желаніе попробовать счастье въ денежной игрѣ.

— Метну разъ, другой и ладно!—думаетъ про себя мальчикъ.

Игра въ самомъ разгарѣ. Игроки даже не чувствуютъ холода.

— Нѣтъ, не буду играть, боязно... послѣдній пятакъ проиграешь, а тамъ отецъ узнаетъ, бранить будетъ, передумываетъ Саня.

— Ну, кто, кто еще желаетъ играть? кричитъ Оедотка.

— Кто съ тобой станетъ связываться и такъ всѣхъ обобралъ.

— Обыгралъ, обыгралъ!.. а вчера кто обыгралъ?

— Вчера ты, Носастый, цѣлый карманъ насыпалъ, отвѣтили ребята.

— То-то и есть!.. Играй, и ты выиграешь, крикнулъ Оедотка трусливому товарищу.

— Съ тобой не будемъ играть... тебѣ счастье везетъ...

— Знамо везетъ, утромъ только двѣ копейки было, а теперь вотъ сколько! потряхивая карманомъ съ мѣдью, задоритъ отставшихъ игроковъ Оедотка.

Саня самъ не свой. Сильно забилося уне-

го сердце. Ему крѣпко захотѣлось попытать въ игрѣ счастье.

— Трусъ! обводя игроковъ глазами, кричитъ Оедотка.

— Оедотъ! я буду играть, не выдержавъ искушенія, заявилъ Саня.

— Чего же ты стоишь... давно бы выходилъ!?

Толпа разступилась.

— Сколько у тебя денегъ? спросилъ Оедотъ.

— Пятачекъ.

— Такъ сыграемъ на весь!

Саня вынулъ деньги. Ему, какъ новичку, предоставлено было первымъ метнуть. Пятакъ завертѣлся въ воздухъ. Всѣ зрители съ любопытствомъ смотрятъ вверхъ, высказывая различныя предположенія относительно игрока—новичка, но вотъ мѣдякъ ударился о притоптанный снѣгъ.

Сильно у Сани забилося сердце, душа его переполнилась страхомъ, то ему думалось, что онъ проиграетъ послѣдній пятакъ, то выиграетъ еще. Онъ пристально смотритъ на упавшую монету и не замѣчаетъ, орломъ или решкой лежитъ она кверху.

— Орелъ, орелъ! закричали ребята.

— Ай да Саня!.. выигралъ, выигралъ!..

— Молодчина! самого Ѳедотку обыгралъ.

— Трусы вы! крикнулъ отставшимъ игрокамъ Ѳедотка.

Саня отъ радости не помнилъ себя. Онъ самого Ѳедотку обыгралъ, и денегъ у него сразу удвоилось.

— Саня! метнешь еще.

— Разикъ попробую.

— Играй, играй!.. Чего бояться то!.. теперь, если проиграешь, не свой пятакъ, а добытый задорилъ мальчугана опытный игрокъ.

Пятачекъ снова завертѣлся въ воздухъ.

Проигравшіеся зрители отъ души желали, чтобы Саня выигралъ.

Дѣйствительно, новый игрокъ опять побилъ своего учителя. Саня самъ не свой, ему представилось, что онъ такой же ловкій игрокъ, какъ и Ѳедотка.

Всего въ первую игру Саня выигралъ полтинникъ. Дома онъ про выигрышъ ничего не сказалъ. Но за всѣ святки ежедневно игралъ въ орлянку. Иногда онъ и проигрывалъ, но все таки ему, какъ на грѣхъ, везло.

Къ концу праздниковъ онъ имѣлъ уже около рубля собственныхъ денегъ. Первая удача необыкновенно воодушевила мальчика. Орлянка стала любимымъ его занятіемъ. Въ жизни счастье переменчиво, а въ денежной игрѣ тѣмъ болѣе счастье какъ то часто измѣняется людямъ.

Санѣ было пятнадцать лѣтъ. Однажды онъ всѣ свои деньги проигралъ, но играть хочется, у него развилась привычка убивать свободное время на денежную игру. Что дѣлать? Гдѣ взять денегъ? И думалъ, было, мальчикъ побѣдить себя, бросить навсегда орлянку, но страсть взяла свое. Онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало добыть денегъ. Но гдѣ? Онъ еще молодой мальчишка, заработка никакого не имѣетъ, собственности тоже никакой нѣтъ. Недолго думая, Саня насыпалъ изъ отцовскаго амбара мѣшокъ овса, продалъ кому то за дешевую цѣну и опять ударился въ игру. Отецъ о пропажѣ овса не догадался. Саня это запомнилъ и при проигрышахъ рѣшилъ всегда потаскивать изъ родительскаго амбара хлѣбъ.

Саня упорно игралъ въ орлянку. Онъ все

думалъ воротить свои проигрыши и даже нажить игрой денегъ. Но, какъ нарочно, все болѣе и болѣе проигрывалъ. Заглядывая часто за замокъ родительскаго амбара, онъ незаметно развилъ другую пагубную привычку,—это склонность къ воровству.

Саня достигъ совершеннолѣтія, отецъ проводилъ его въ чужія люди на заработки. Отцу иначе и поступить нельзя было: въ собственномъ хозяйствѣ для сына работы не находилось; оставить сына безъ работы тоже не было никакой возможности, въ семьѣ чувствовалась сильная нужда въ деньгахъ. Но, къ несчастію, Александръ не способенъ былъ быть сыномъ—помощникомъ. Какъ только вырвался молодецъ изъ подъ родительскаго надзора, получилъ возможность самостоятельно получать свое жалованіе, ударился въ денежную игру. Но, какъ и должно быть, на сторонѣ Александръ попалъ на хитрыхъ игроковъ: онъ постоянно оставался въ проигрышѣ. Но вотъ онъ разъ проигралъ съ себя даже всю одежду, а къ игрѣ тянетъ. Что дѣлать? Гдѣ взять денегъ? Вопросъ былъ рѣшенъ просто. По привычкѣ Александръ у

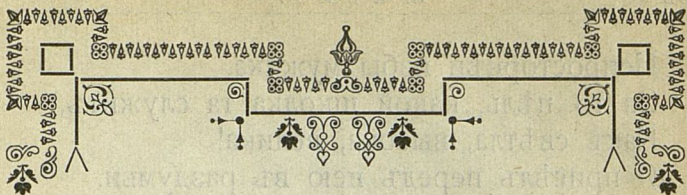
своего хозяина стащилъ богатую шубу, продалъ и снова пустился въ игрѣ счастья искать. Но не долго молодецъ тѣшился. Хозяинъ сейчасъ же догадался о продѣлкѣ своего служителя, отдалъ его подѣ судѣ. Какъ воръ, Александръ былъ осужденъ въ исправительныя арестанскія роты.

Понялъ Саня, что страсть къ орлянкѣ довела его до такого позора, но было уже поздно.

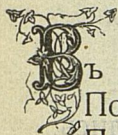
Дѣти! остерегайтесь денежныхъ игръ.

Свящ. *Іоаннъ Молебновъ.*

Школа.

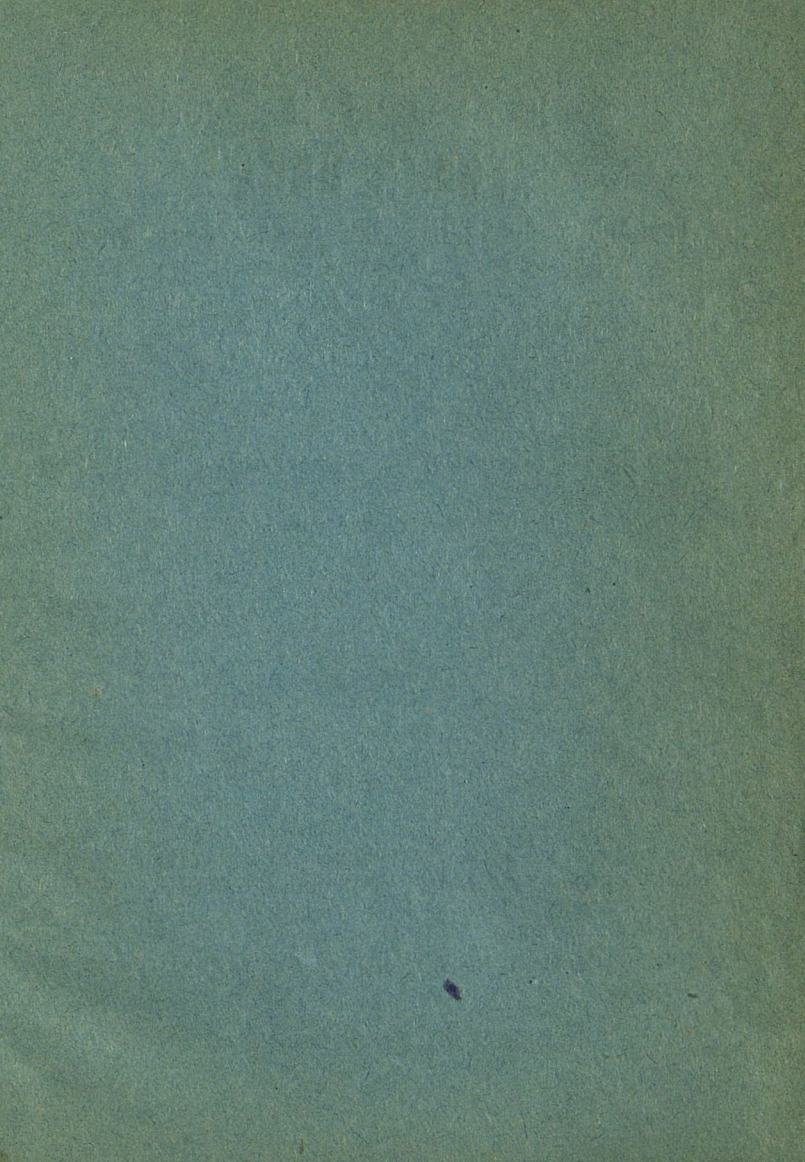

Въ полверстѣ отъ деревни я вижу
Потемнѣвшій отъ времени домъ...
Подхожу къ нему нѣсколько ближе—
Замѣчаю и надпись на немъ.
„Церковно-приходская школа“—
Я читаю на вывѣскѣ той...
Кругомъ школы лужайка, да поле,
Деревца нѣтъ съ тѣнистой листвою,
Нѣтъ защиты отъ бурь, непогоды,
Отъ морозовъ, осеннихъ дождей
И слѣды четырехъ временъ года
Отразились ярко на ней.
Точно старцемъ, въ бояхъ посѣдѣлымъ,
Равнодушнымъ, спокойнымъ на видъ,
Переплетами рамъ закоптѣлыхъ
Одинокая школа глядитъ.
Непривѣтлива школа снаружи,

Непросторнѣй избы мужика,
За то цѣль, какой школка та служить,
Какъ свѣтла, высока, велика!
Я присѣлъ передъ нею въ раздумьи,
О судьбѣ нашей школы мечтать;
Слышу: будто рой пчель въ своемъ ульи,
Ребятишки надъ книжкой жужжать,
А потомъ всѣ молитву запѣли,—
Я засталъ лишь послѣдній урокъ,—
И сложивъ въ сумки книжки, одѣлись,
Гурьбой вышли ко мнѣ на лужокъ,
Кафтанишки, шапченки, лаптишки—
Вотъ былъ весь ихъ убогій нарядъ;
Но зато ужъ какой ребятишки
Всѣ имѣли осмысленный взглядъ!
Горячо разсуждая и споря,
По домамъ расходились они,
И зажженного свѣта здѣсь, въ школѣ,
Разносили по избамъ огни.
И, поднявшись, своею дорогой
Зашагалъ я бодрѣ впередъ...
Да, въ тебѣ много силъ, еще много
Православный нашъ Русскій народъ!

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной школы
и семьи.

Съ Божіей помощью выходитъ въ 1907 году по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ году

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посѣвы и всходы, лѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Приложенія: „Зернышки Божіей Нивы“. Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Объемъ изданія—отъ 1 до 3-хъ печатныхъ листовъ.

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями ОДИНЪ РУБЛЬ съ пересылкой.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера съ приложеніями.

Первые четыре тома *Божіей Нивы* можно получать въ папкѣ по 1 р. 25 к. каждый томъ, а въ коленкоровомъ переплетѣ по 1 р. 75 к. съ перес.

АДРЕСЪ: Сергіевъ Посадъ, Московской губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.

Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.